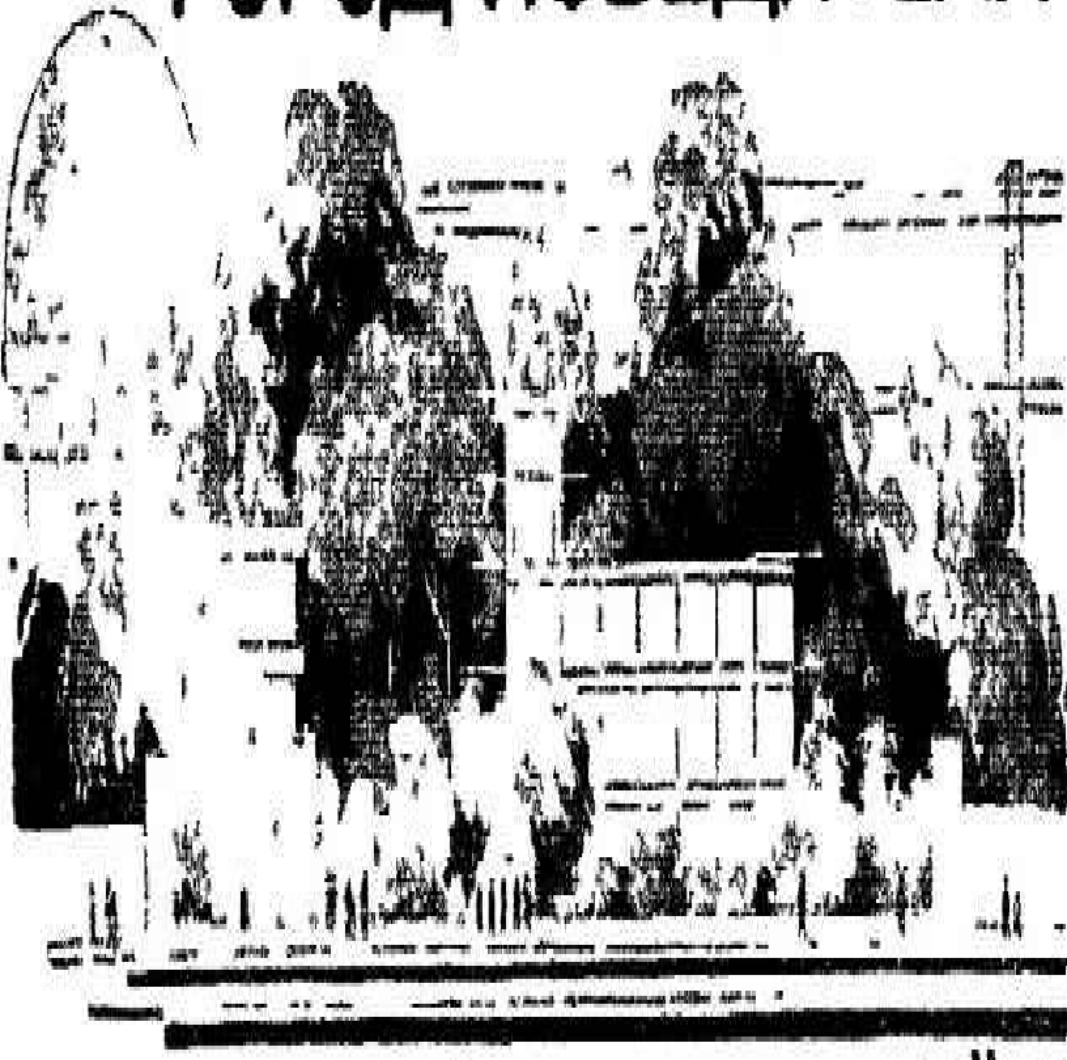
ГОРОД ПОБЕДИТЕЛЯ



Этюд А. Беляева

Рисунки худ. Н. Кочергина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

ОТ РЕДАКЦИИ Борьба за власть, чрезвычайное напряжение в эпоху гражданской войны, трудности восстановительного периода — позади. Победитель-пролетариат подошел к интереснейшему моменту послеоктябрьской истории человечества — творчеству новых социалистических форм жизни, реализации «утопий», воплощению в жизнь мечты о новой, светлой и радостной жизни. Новые социалистические города с их новым бытом — уже не отдаленная греза мечтателя. Архитектор-строитель уже чертит планы этих городов, уже готовы те кирпичи и цемент, на которых будут созданы социалистические города. Специальные комиссии обсуждают вопросы создания нового быта — Ведутся горячие споры в поисках наилучших форм. Творчество художника, литератора фантаста, может иметь настоящий момент большое значение. и не только пропагандистское: конкретно, практическое строительство социализма должно пройти «через опыт миллионов, когда они возьмутся за дело. Пусть литераторы и художники не всегда угадывают то, что будет, и даже ошибаются. Если хоть одна деталь «фантаста» войдет кирпичиком в общее строительство — произведение автора или художника будет оправдано. В настоящее время трудно, почти невозможно дать цельный фабульный роман, изображающий наш «завтрашний день», сейчас намечаются лишь общие контуры нового города и быта. Сейчас можно в литературе дать эскизы, наброски, наметки того, что будет.

- Александр Романович Беляев
  - Научно-фантастический очерк

Александр Романович Беляев

Город Победителя

Научно-фантастический очерк

Карл Фит открыл глаза и улыбнулся. Уже несколько дней он просыпался с улыбкой на губах — быть может потому, что засыпал с мыслью о том, как хороша и интересна жизнь. И как вчера, как третьего дня, он внимательно посмотрел вокруг себя. Он закинул голову назад и увидел балконную дверь, через стекла которой в комнату вливались косые лучи утреннего солнца; скользнул взглядом по небольшому письменному столу из белого дуба и удобному рабочему креслу; повернул голову, осмотрел платяной шкаф в стене, как бы желая удостовериться, все ли на месте, и закончил осмотр умывальником около двери. Все на месте. Все так, как вчера, в этой маленькой, чистенькой, беленькой комнатке. А картины на стенах и букет на столе? Нет, и они на месте: два прекрасных этюда масляными красками — эпизоды героической борьбы пролетариата за власть. Большие круглые часы, висевшие над дверью, смотрели своим циферблатом, и стрелки вытянулись почти вертикально. Было без одной минуты шесть. В это время всегда просыпался Фит. Вот стрелки вытянулись в прямую совершенно, и тотчас послышался мягкий, но довольно сильный баритон, который неведомо откуда проговорил:

— Шесть часов, пора вставать!

Баритон этот принадлежал Фиту. Вчера он отдал такой приказ, ложась спать, механическому слуге — валику граммофона, соединенному особым аппаратом с часами. Но Фит давал ежедневно такой приказ самому себе больше для забавы. Его не нужно было будить — просыпался он всегда аккуратно в одно и то же время.

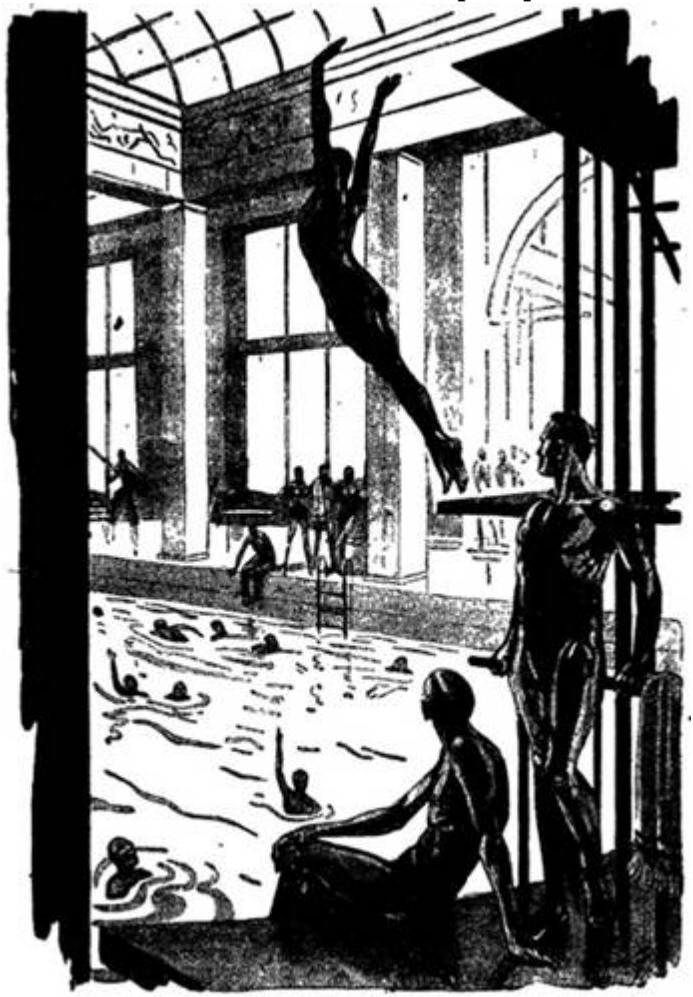
— Благодарю вас, — ответил Фит, улыбаясь часам, и быстро поднялся с кровати. Он быстро сложил кровать и вдвинул ее в стену, натянул на ноги туфли и вышел в коридор. Изо всех дверей выходили люди в таких же халатах, мужчины и женщины, и шли: мужчины вправо, женщины влево.

— Гут морген! — окликали Фита веселые молодые голоса.

— Добрый утро! — отвечал он по-русски и махал рукой.

Фит открыл дверь в стене длинного коридора, и до его ушей донесся разноголосый шум: ливень, веселые голоса, фырканье, хлопанье руками по голому телу, всплески воды. Все эти звуки сливались в своеобразную «водяную» симфонию. Да, в этом огромном зале было настоящее царство воды. Свет, проникавший через стеклянный потолок, освещал бассейн, в котором плавали молодые люди, со смехом перегоняя друг друга. Направо и

налево расположились кабинеты душей, а в стене против входной двери, виднелось множество дверей, которые вели в отдельные ванные комнаты. Фит обходил бассейн, пробираясь к своей ванне.



Все было настоящее царство воды.

— Кто это? — спросил молодой человек в бассейне показывая глазами на Фита.

— Немец, экскурсант, — ответил плывший рядом.

Фит вошел в ванную комнату, быстро разделся и опустился в уже готовую ванну. Выйдя из ванны и насухо растерев тело мохнатым полотенцем, он прошел в соседний зал.

Если первый зал был царством воды, то здесь было царство воздуха и гимнастических машин. Молодые люди в трусах занимались «утренней зарядкой», усиленно тренируясь. Пожилые не отставали. Фит присоединялся к ним и начал старательно проделывать различные телодвижения: выбрасывать руки вверх, вниз, в стороны, приседал, поднимался… Фит страдал. Все это

выходило у него не так четко, как у остальных, видимо хорошо тренированных людей.

— Ничего, привыкните, — говорили ему соседи.

Немец виновато улыбался, упрямо приседал и стрелял руками в стороны. «Привыкнете!» Немного обидно. Давно ли немцы были во всем учителями русских?…

Четверть седьмого. Довольно! Фит идет в ванную, надевает утренний халат и возвращается в свою комнатку. Совсем маленькая! И она показалась бы еще меньше, если бы не знать кое-чего, — как она устроена и каковы порядки в этом чудесном доме-коммуне. Нужна ли большая комната, если отличная вентиляция доставляет чистый воздух с избытком и если комната ни на что больше не нужна, как только для того. чтобы поспать в полной тишине да — если придет желание — остаться часок другой наедине. Фит не привык тратить время на уединение. Он горел желанием осмотреть как можно больше и как можно скорее. Да, он не много тратил время на пребывание в этой комнате — и все же она чрезвычайно нравилась ему. Внешний облик комнаты, вся ее простота и даже малый размер настраивали на особый лад. Лишенная на первый взгляд многих необходимых вещей, она говорила о том, что человек должен быть прежде всего свободен от от плена этих самых вещей, от власти громоздкой мебели, ненужных безделушек, пыльных штор. В самом деле, разве не приятно сознавать, что куда бы ты ни захотел ехать, везде ты найдешь вот такую простую комнату для сна и отдыха, где нет ничего лишнего и есть все необходимое. В комнату приятно было войти и не жалко ее оставить. Она воспитывала сознание того, что человек не «комнатный жилец», а жилец и хозяин всего этого огромного, кипящего жизнью дома.

— Хорошо! — сказал Фит, переодеваясь. Через несколько минут он уже был готов к выходу — на нем был простой, удобный, изящный костюм, облегающий талию, но свободный в груди и плечах.

Половина седьмого. Фит выходит из комнаты, не запирая ее — здесь кражи неизвестны — и, пройдя коридором, входит в столовую.

Во всю длину большого светлого зала, в несколько рядов тянутся широкие столы. Посредине столов во всю их длину, возвышаются ящички со множеством окошечек. Рядом с окошечками — кнопки номерами и меню. Против каждого названия — кофе, чай, молоко — цифра. Во всем зале ни одного человека прислуги. На «ящиках» — букеты живых цветов. Фит усаживается за стол против «окошечка», читает меню и нажимает кнопки под номерами 3 и 12. Через минуту откуда-то снизу

поднимается и становятся в окошечке длинного ящика стакан кофе со сливками и ломти белого хлеба, намазанные сливочным маслом и сверху вареньем.

Фит берет с подноса еду и с аппетитом завтракает. Затем он ставит тарелку и пустой стакан на поднос в окошечке, нажимает кнопку — и поднос проваливается.

Без десяти семь. Пожалуй можно еще побриться и почистить ботинки. Это рядом со столовой. Удивительная бреющая машинка кончает свое дело в одну минуту. В то же самое время механический чистильщик натирает ботинки Фита до зеркального блеска. По ассоциации Фит вспоминает об одной оплошности, им допущенной: он забыл привести в порядок, с помощью механического слуги, свою комнату. Забыл же потому, что даже привычный к чистоте немецкий глаз не смог заметить в комнате ни малейших следов пыли или грязи. Но пыль и грязь могут появиться, если за комнатой не следить каждый день! Наблюдение за чистотой входит в обязанность всех проживающих в доме-коммуне. Каждый отвечает за чистоту своей комнаты. Скорее исправить оплошность! Фит спешит к себе, в комнату 1235. Он хотел 1234, тогда было бы еще удобнее запомнить.

Это очень просто! Механическая щетка выметает и натирает пол, пылесос пожирает пыль Сначала приводится в порядок половина комнаты у двери. потом письменный стол легко откатывается, кресло ставится на стол и убирается вторая половина комнаты — у балконной двери. заменяющей одновременно окно. Пыль по особым мусоропроводным трубам поступает вниз. Пол сверкает. Комната блестит! Но надо еще протереть окна. Опять механические щетки другого устройства. Готово. Все механизмы складываются и прячутся в нижний ящик удобного стенного шкапа.

Кто-то стучит в дверь

— Войдите! — дверь открывается. У порога стоят хорошенькая беловолосая девочка и черномазый мальчик. В руках у девочки — букет, у мальчика — корзина с цветами.

— Доброе утро, дорогой товарищ Фит! — говорит девочка на хорошем немецком языке. — Я принесла Вам свежих цветов.

— Доброе утро! — приветствует Фита и малыш с корзиной цветов.

Фит здоровается с детьми, благодарит за цветы. Девочка быстро меняет букет цветов на столе. В вазе красуются теперь чайные розы. Отжившие свой век гвоздики бросаются в мусорную трубу. Труба эта уносит вместе с водой все отбросы дома далеко за город, где они перерабатываются.

Фит еще хочет поговорить с детьми, порасспросить их о том о

сем, но дети спешат. Ведь они приняли шефство над цветами дома и строго относятся к своим обязанностям. а дела у шефов в это летнее утро еще очень много. Дети приветливо кланяются Фиту и торопятся дальше. Фит долго улыбается им вслед, потом смотрит на циферблат над дверью. Семь часов двенадцать минут. Фит открывает дверь и выходит на балкон. Массивные перила утопают в цветах. Вьющиеся растения закрывают балкон с боков. Фит смотрит вниз, с высоты третьего этажа.

Отсюда, с высоты, город поражал не грандиозностью, а своеобразием: он меньше всего походил на город, хотя население его приближалось к шестидесяти тысячам.

Море зелени расстилалось внизу — бесконечные парки и сады. Они затопляли весь город, как вешние воды. и среди этого зеленого моря поднимались. подобно скалистым островам, красивые дома, не выше четырех этажей, окрашенные в светлые тона, хорошо гармонировавшие с зеленым фоном парков и садов. Только далеко направо дома стояли гуще — там была площадь Революции, где помещались правительственные учреждения. А налево блестела излучина реки, покрытая уже в этот ранний час гребными лодками и парусными яхтами: «выходники» спешили использовать день отдыха на вольном воздухе.

Откуда-то донесся звук колес мягко катящихся по рельсам, и через зеленое море проследовал на высоте вершин деревьев воздушный электрический поезд — «Рапид-транзит», который вез на завод рабочих. Такие поезда шли с пятиминутными перерывами в продолжение получаса, увозя на работу треть взрослого населения города. Количество и состав поездов были рассчитаны так, чтобы каждый рабочий мог усесться в свой поезд на свое место, без давки и очередей. В этом городе ни одна минута не терялась напрасно. Через пять часов «Рапид» вернет рабочих и заберет новую смену. Завод работает в три смены по пяти часов — от семи утра до десяти ночи. Фит непременно побывает на заводе и посмотрит, как организована работа.

Фит возвращается в комнату, подходит к письменному столу и вынимает из ящика пишущую машинку. Такие машинки имеются в каждом столе каждой жилой комнаты этого дома. Через минуту Фит пишет на бесшумно работающей машинке.

«Дорогой Фриц!

Ты просил написать о моих впечатлениях. Это нелегко сделать, Особенность социалистического города, в котором я живу, заключается в том, что он поражает не американскими масштабами, а своей внутренней целесообразностью. Этот город я назвал бы фабрикой для переделки людей. Такие фабрики нам в

Германии еще только предстоит строить. Начиная от архитектуры зданий и кончая укладом жизни, все устроено так, что ты незаметно для самого себя становишься совершенно иным человеком. Начать хотя бы с этой маленькой спартанской комнаты, в которой я нахожусь. Ты сам знаешь, что наши рабочие — и в особенности наши жены — еще не успели отрешиться от буржуазного «уюта». И я уверен, что ты — и тем более твоя милая Марта — пришли бы в ужас от этой комнаты. Она показалась бы Вам слишком бедной, слишком уж простой. Ни ковра, ни занавесок, ни полочек. Но… надо пожить день, чтобы понять всю целесообразность этой простоты и ненужность загромождения комнат всем тем хламом — вазочками, занавесочками, полочками, статуэточками, которые делают так называемый «уют» наших немецких квартир.

Представь в моей комнате — единственный стул! разве это не ужас? Я не могу даже принять гостя! Но достаточно выйти в коридор и пройти несколько шагов, и ты уже в гостиной — с коврами, мягкой удобной кожаной мебелью, цветами на столе, прекрасными картинами на стенах, ты встречаешься с кем тебе хочется, выбираешь место и ведешь с приятелями дружескую беседу. Кресла, столики и диваны расставлены так, что группы беседующих не мешают друг другу. Я, например, облюбовал уголок у окна, где стоят пара кресел, окруженных огромными цветущими олеандрами. Ты находишься как будто в саду. В открытое окно льется чистый воздух, насыщенный озоном. Никто тебе не мешает и ты ни кому не мешаешь и в этом чудесном уголке я провел не один вечер, беседуя с моими новыми друзьями. Я узнал от них много интересного, что трудно узнать и подметить иностранному туристу, притом слабо владеющему русским языком.

Но прости мне. Перегруженный новыми впечатлениями, я отвлекаюсь в сторону и пишу бессистемно. Попробую вогнать себя в рамки, придерживаясь хотя бы хронологического порядка.

Из Москвы я вылетел на аэроплане, летел на юго-восток, с жадным любопытством глядя вниз, на просторы нового мира, который не знает рабства и подневольного труда. Если бы не развернутая карта передо мною, где отмечался маршрут полета, я бы мог подумать, что лечу не над страной мирного труда, а над полем сражения. По широким полям двигались «танки», гуськом и развернутым строем, в одиночку и целыми стадами. Они то собирались в группки, то, как будто резвясь, убегали друг от друга.

Ну, а если бы на моем месте сидел наш далекий предок или даже дикарь, никогда не видавший современных машин, он

конечно подумал бы, что залетел в неведомый мир, где живут странные чудовища, которые пасутся на полях и пожирают высокие травы с необычайной быстротой. Ты конечно уже догадался, что я говорю о тракторах, о тракторных колоннах. которые, подобно трудолюбивым неустанным животным, хлопотливо снуют взад и вперед, делая легко и скоро то, на что требовалось прежде неимоверное количество человеческого труда.

Кстати, могу сообщить тебе любопытную мелочь. Местные врачи уверяли меня, что тракторы и автомобили оказались врагами целого ряда болезней, которые резко пошли на убыль после того, как страна была тракторизована и насыщена автомобилями. Трактор и автомобиль почти совершенно уничтожили брюшной тиф, дизентерию и другие заразные болезни. «Каким образом?» — спросишь ты. Очень просто. Распространителями этих болезней являлись мухи, а мухи размножаются, кладя яички преимущественно в конский навоз. Коней же теперь заменили автомобили и тракторы. И мухи почти вывелись.

Здесь я слыхал такую сказочку. Ласточка жалуется воробью, что теперь негде даже присесть — телеграф, мол, беспроволочный. А воробей отвечает: «… — и нечем пообедать: все автомобили да тракторы, ни одной лошади!» К этому можно прибавить и жалобу мухи на то, что теперь негде класть яйца для размножения.

Но, прости, я опять отвлекся.

Итак — аэроплан, безграничные степи, поля и на них стада милых, трудолюбивых, покорных машин — тракторов. По всему этому необъятному пространству разбросаны промышленные и сельскохозяйственные города, впрочем мало чем отличающиеся друг от друга. Старые города с их неправильными путанными улицами, с церквами, с пестротой деревянных и каменных построек встречаются редко… Уже здесь, на высоте, сидя в большом пассажирском аэроплане и глядя вниз с высоты птичьего полета, ты видишь и чувствуешь, что находишься в стране планового ведения хозяйства. Сельскохозяйственные города расположены более или менее равномерно, промышленные — в местах нахождения сырья. А деревень — старых российских деревень — совсем нет. Слова «мужик», «крестьянин» исчезли из живого языка. Они стали таким же историческим воспоминанием, как «помещик» и «дворянин». В этой стране есть только трудящиеся, только рабочие сельскохозяйственного или промышленного труда. Кстати, ты не увидишь здесь разницы между инженером и рабочим. Все они живут в одинаковых

условиях.

Но я опять увлекся. Уж очень много ассоциаций цепляется за каждую мысль.

Мы летели днем и ночью. Ночью — по радиомаякам. Ночных маяков в миллионы свечей теперь уже не делают, радио успешно заменяет световые сигналы. Только на больших аэродромах все залито светом, когда подлетаешь к ним ночью.

В Шахтерске мы снизились, и я пересел в поезд, который шел в Южхим. Эти названия тебе мало что говорят. Новые города — дети пятилетки — в значительной мере изменили карту СССР. И советским школьникам приходится запоминать гораздо большее количество городов, чем детям старого режима. С каждым годом количество городов все прибавляется. Если бы здесь географию учили так, как учат в Европе, — советским школьникам пришлось бы туго. Но они усваивают это очень быстро благодаря совершенно новым методам школьного обучения, в котором «книга жизни» имеет первостепенное значение. Но о школе я еще напишу тебе.

Итак, я пересел в вагон и покатил. Тракторы, похожие с высоты на танки, и комбайны. напоминавшие гигантских насекомых с длинными ножками и усиками, подобно муравьям возились вблизи железнодорожного полотна. И как-то совершенно незаметно мы вкатили прямо в большой вокзал-гостиницу. Поезд остановился туннеле. Я вышел из вагона. меня встретил очень молодой человек, почти мальчик, и, любезно коснувшись своей шляпы, сказал:

— Здравствуйте, товарищ Фит! Комиссия по приему иностранных туристов поручила мне встретить вас.

Я не удивился тому, что он узнал меня, ему были известны номер вагона и места: притом перед отъездом в СССР я послал в Интурист свою фотографическую карточку. Эта карточка была размножена, и копии по радио передавались в каждое новое место вместе с телеграммой о моем приезде. Пожалуй тебя будет шокировать такой способ уведомления — но ведь не об одних же преступниках в самом деле заботиться, пересылая по радио их изображения. почему бы этот способ не применять для удобства всех граждан? И он, этот способ, оказывается действительно удобным.

— Меня зовут Ник (сокращенно от Николай), — продолжал юноша на немецком языке. Многие юноши здесь прекрасно владеют иностранными языками. — Будьте добры следовать за мной, я проведу вас в номер вашей гостиницы.

Прямо против вагона виднелась широкая дверь, куда и направился мой чичероне. Лифт поднял нас на третий этаж,

несколько шагов по коридору — и мы вошли в чистенький небольшой номер.

— В этой гостинице для приезжающих все номера одинаковые, — пояснил Ник и начал знакомить меня с оборудованием номера. — В письменном столе — пишущая машинка. Поднимается вот так. Умывальник. Шкафчик — рядом с умывальником, в стене. Вы нажимаете вот этот шарик, дверца открывается. Здесь вы найдете… да вот, смотрите! — Ник открыл шкафчик, и я нашел там белоснежное полотенце, небольшой кусок мыла, пасту для зубов, новую зубную щетку, одеколон, гребни, головные щетки — все для туалета.

— Телефон, — пояснял далее Ник. — Радиотелефон. Книжка телефонных абонентов. Справочное бюро. Бюро поручений и заказов. Авто. По этому номеру вам ответят на любой ваш вопрос. Если вы хотите проехать в соседние города, не берите с собой ничего лишнего, вернее, ничего не берите. В поездах есть буфеты. В каждой гостинице вы можете получить макинтош, чемодан, фотографический аппарат, бинокль — вообще все, что вам захочется иметь в данное время. Зачем, к примеру, таскать с собою фотоаппарат, если вы можете его взять на прокат, сделать снимки, отдать проявить или использовать лабораторию дома-коммуны для того, чтобы проявить самому. Меня вы можете вызвать по телефону 5-89-67. Вызов делается автоматически. А вот это… — Ник открыл дверцу шкафа в стене, — световые рекламы. Здесь, поворачивая рычажок, вы можете узнать, что сегодня происходит интересного в городе, куда пойти. Вот полюбопытствуйте! — Ник нажал рычажок. В полусвете шкафа вспыхнул светящийся экран. движущиеся строчки запылали огнями.

— Наркомздрав очень ограничил применение реклам, особенно светящихся, — продолжал Ник. — Эти рекламы — одна из причин нервозности людей больших европейских городов. В наших городах реклама не лезет назойливо вам в глаза, не терзает ваши уши, не кричит красками, звуками, светом, пестротой, яркостью, неожиданными вспышками. В Европе, и в особенности в Америке, вы знаете, от рекламы нет спасения. Она всюду преследует вас: вверху, внизу, с боков, спереди, сзади. Реклама на тротуарах, на стенах, на облаках, на небоскребах, на крышах, на скалах, на окнах, на страницах газет, на вещах… Помимо того, что это действует на нервы, реклама безобразит, опошляет все, к чему она прикасается. Поэтому наши отделы благоустройства горсоветов также против кричащей ненужной рекламы, как и здравотдел. У нас реклама и даже объявления спрятаны, но их легко найти, когда понадобится узнать о

спектакле или заседании. Так и у вас в номере — реклама здесь спрятана, посажена под замок, она не может беспокоить вас. Но когда вам понадобятся сведения, вы откроете шкап и нажмете одну из этих кнопок с надписями под ними: «Заседания», «Музеи», «Театры», «Кино», «Лекции»…

Я выразил желание посмотреть, что делается сегодня. Реклама тотчас ввела меня в интересы сегодняшнего дня Южхима. Я поразился разнообразию и обилию общественной и культурной жизни.

Вот немногое из того, что я запомнил:

В Большом зале Дворца Культуры, вмещающем двадцать тысяч человек, был доклад приехавшего из центра члена правительства. В целом ряде профсоюзных клубов назначались доклады и диспуты, главным образом по вопросам организации производства и общеполитическим. На заводах и фабриках должны были состояться большие производственные совещания. В Большом оперном театре шла новая опера «Победитель» с участием артистов Государственной академической рабочей оперы. В зале Консерватории — концерт электрофониста Гардина, который должен был исполнить на новом инструменте оркестровую симфонию молодого талантливого композитора Дулина, рабочего химического завода. Во второй студии — концерт хорового кружка химиков. В драматическом театре — новая комедия «Моторист». В театре молодежи — историческая пьеса «Марик», из жизни детей рабочих до революции; в детском театре «Мимус» — пьеса, исполняемая дрессированными животными. В аудитории Художественного музея — доклад об античной культуре в сопровождении кино, которое показывает произведения искусства и памятники старины в красках (картины) и в трехмерном стереоскопическом виде (скульптуры). Лектор — профессор Гулинов… В клубе инженеров — лекция «О передаче энергии на расстоянии» и «Об уничтожении фабричных труб». Там же — «О лучах Сонора»…

Нет, всего не пересмотришь! Я обратился к Нику и сказал, что во всем этом можно потеряться. Как выбрать из массы хотя бы театральных развлечений то, что наиболее соответствует моим вкусам?

— Очень просто, — ответил Ник. — Вы интересуетесь оперой «Победитель». Сейчас как раз вы можете узнать ее содержание, главные мотивы, увидеть действующих лиц, декорации, если хотите, прослушаете все либретто. — Ник повозился у кнопок, и невидимый рупор зазвучал. Человеческий голос рассказывал об опере. Прозвучало несколько мелодий, часть увертюры. В то же время на экране, в уменьшенном виде, показалась сцена,

двигающиеся артисты.

— Но ведь тогда и в оперу ходить не надо! — воскликнул я.

— Если вам нездоровится, вы можете, разумеется, и дома прослушать оперу и посмотреть ее. Но все же в театре интереснее! — ответил Ник.

— Таким образом вы сможете получать сведения о всех зрелищах, о всех лекциях, докладах. Вы по телефону можете заказать себе место. Если вы ничего не имеете против, я проведу вас осмотреть город, — предложил Ник.

Я охотно согласился.

— Посоветуйте, — обратился я к Нику в вестибюле гостиницы, — к кому мне обратиться, чтобы прописаться?

С самого приезда я почти не видел слуг. В буржуазных гостиницах это — бич приезжающих, это мародеры, которые, пользуясь установленным обычаем, обирают вас, вытягивают из вас деньги низкими поклонами, ненужной услужливостью, хамским подобострастием… или же казнят холуйским презрением. если вы мало даете им «на чай».

Здесь этого нет и следа. Здесь те же рабочие, служащие, как и везде. Они не смотрят на вас, как на барана, которого надо остричь, и не отпускают вам любезностей или холодного ледяного высокомерия, в зависимости от состояния вашего костюма и ваших финансов. Они не прощупывают вас, стараясь угадать сколько можно выкачать из вас денег. Нет, они встречаются и разговаривают с вами, как товарищ с товарищем.

Со всем этим я ознакомился, прожив в гостинице около недели.

Ник успокоил меня: он уже сообщил о моем приезде, и никаких других прописок не требуется. «Что же касается слуг, то им совсем не нужно мозолить вам глаза. Если вам что-нибудь нужно, вы можете вызвать их, а за чистотой они следят, когда вас нет в номере: приберут, выметут, почистят».

Вышли мы из гостиницы уже не в сторону железнодорожного туннеля, прорезающего все здание насквозь, а по другую сторону. Прямо перед нами открывалась широкая площадка, окруженная парком. Посредине, на изящных бетонных столбах, высился навес, под которым расположились автомобили. Рядом со стоянкой автомобилей находился большой, в два квадратных метра, план города, нарисованный на матовом стекле. Все улицы и общественные здания были переименованы в особом списке, и против каждого названия виднелась кнопка. Если мне необходимо было ехать, например, на "Площадь Революции", то я нажимал кнопку против этого названия, и на плане от вокзала, где я нахожусь, протягивалась светящаяся стрела, ясно указывая,

по какому направлению я должен был идти или ехать.

— Если хотите, можно взять велосипед, — сказал мне Ник, — и доехать до центра. Впрочем, это не так далеко. Можно нанять такси или сесть в автобус. Смотрите, на плане указан номер автобуса.

— Благодарю вас, утро прекрасное, и я предпочитаю пройтись пешком, — ответил я. Ник охотно вызвался сопровождать меня.

Мы прошли мимо стоянки такси и углубились в парк.

Мне хотелось бы передать тебе мое первое впечатление от города возможно полнее. В нем было какое-то своеобразие, которого сразу я не мог понять. Помнится, нечто подобное я испытал, когда с рабочей экскурсией прибыл в Венецию. Венеция — особый город.

Поезд с обычным грохотом и шумом вкатывается в крытый вокзал. Ты выходишь прямо к каналу — и тебя охватывает необычайная для города тишина. Ведь во всей Венеции нет ни одного автомобиля и ни одной лошади, если не считать тех, что стоят на соборе святого Марка, но ведь они бронзовые! И когда ты ходишь по узким венецианским уличкам и по площади Марка, тебя преследует странное чувство — будто это не город, а… дом без крыши. Нечто подобное я испытал, когда вышел из гостиницы и отправился бродить по городу Южхиму. Здесь все было иначе, не так, как еще в наших шумных, бестолковых, сумасшедших городах Запада и Америки. Иные здесь были и люди. Ни вялости, ни медлительности! Все, кого я встречал, были бодры, жизнерадостны и подвижны, но без лишней суетливости и нервозности, характеризующих жителей большого капиталистического города, вечно спешащих, волнующихся, наступающих друг другу на ноги.

Парки и улицы Южхима показались мне, пожалуй, даже слишком малолюдными для города, вмещающего шестьдесят тысяч человек. «Почему бы это?» — подумал я и сам себе тотчас ответил: «Ведь это город рабочих, а рабочие сейчас находятся на работе». Это объяснение было правильное, но не совсем точное, как впоследствии я убедился. Помимо того, что пятая часть всех рабочих были «выходными», рабочие работали в три смены, и фактически значит на заводе было не более трети. Относительное же малолюдство объяснялось многими причинами. В Южхиме отсутствовало деление города на скучные неблагоустроенные окраины и нарядный центр, стягивающий к своим витринам и огням кино почти все население. «Дезурбанизация» здесь проявилась не только в том, что люди отказались от постройки нездоровых гигантских городов-спрутов с многомиллионным

населением, но и в том, что в пределах самого города децентрализованы все общественные места, кроме, конечно, городских советских учреждений общегородского значения (горсовет со всеми его отделами помещается на площади Революции). Театры, кино, музеи, клубы, библиотеки и прочие культурные учреждения равномерно раскинуты по всему городу, и кино окраины ничем не отличается от кино в центре города.

Гуляющие также разбросаны по всему городу равномерно, ведь весь город — сплошной парк; часть же населения выбралась за город на лодках, пешком и в автомобилях. Кроме того в Южхиме нет самого подвижного и суетливого уличного прохожего — покупателя и в особенности покупательниц. Не скажу, что их совсем нет. Но сбросьте со счета только домашних хозяек и модниц, отсутствующих здесь и наводняющих наши магазины, и вы увидите, насколько станет тише! Чувствую, что ты мало представляешь то, о чем я пишу. Нужны новые слова или же долгие описания. Вот, например, я сказал «уличное движение», ты конечно представляешь тротуары, довольно узкие, возле серых громад зданий. И на этих тротуарах сплошная движущаяся масса людей, плотная, как косяк идущей сельди. А посредине улицы «ледоход» автомобилей. Но это далеко от того, что я вижу. Здесь нет даже «улицы» в обычном, привычном нам смысле этого слова. Здесь нет сплошной стены прижатых друг к другу вплотную домов. Ты даже не всегда видишь дома. Ты идешь по прекрасному парку. Над вершинами деревьев в часы начала и окончания работ на заводах почти бесшумно проносятся поезда подвесной железной дороги. Ты идешь по красивой извилистой дорожке в тени каштанов, лип, вязов, дубов, грабов, кленов. На каждом шагу — скамьи с удобными спинками, клумбы с цветами.

Цветы, цветы! за эти цветы твоя Марта должна простить многое, что ей не понравилось бы в этом оригинальном городе. Но я уверен, что если бы Марта пожила здесь хоть месяц, она не захотела бы вернуться к своим жалким цветочным горшкам на балкончике. Кажется нигде так не любят цветы, как здесь. И главными цветоводами-садовниками являются дети. Они ходят от клумбы к клумбе и наводят порядок. Но, странное дело: гуляющих детей в парках мало, а нянек с младенцами на руках и вовсе нет. По паркам бродят только взрослые и лишь изредка выпорхнет и исчезнет стайка ребят или пройдет мать с детьми.

При первом моем ознакомлении с социалистическим городом это отсутствие ребят я отнес на счет недостатков. Плохо, когда ребята шумят, мешают и надоедают старшим, но скучно и без ребят… Впоследствии я убедился, что ребята занимают в жизни города гораздо большее место, чем я предполагал, и что они

принимают в жизни города живейшее участие почти во всех областях жизни и особенно в деле поддержания благоустройства. Очевидно просто был такой час, когда дети были в школе или за городом.

Рядом с дорожкой для пешеходов вытянулась в струнку велосипедная дорожка. Непрерывно слышится легкое шипение шин — это мчатся спортсмены и спортсменки, весело перекликаясь. За велосипедной дорожкой — опять участок парка, а дальше — автобусная, хорошо асфальтированная дорога. Трамваев здесь нет, они давно заменены автобусами. За дорогой еще одна парковая прослойка, за ней стена дома, но ты можешь и не увидеть ее, так как дома здесь разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Они стоят как замки, окруженные парками.

В парках там и сям виднеются красивые киоски — книжные, закусочные, кондитерские, с минеральными водами. фруктами. Но, Фриц, мужайся, мой друг, я сражу тебя ужаснейшим известием: не только в городе, но и во всем городе нет ни одного табачного киоска, ни одного табачного магазина, ни одной сигары, папиросы, трубки! Не правда ли, «это ужасно»?!

— Не хотите ли пройти вот сюда, направо, — предложил Ник.

Мы повернули в тенистую каштановую аллею. Она вывела нас на довольно широкую круглую площадку с фонтаном посередине. Площадку окружали мастерски сделанные статуи вождей мирового пролетариата и несколько групп. В реалистичных и одновременно простых и понятных символах они изображали основные этапы борьбы пролетариата и построения социализма. Об этой площадке скульптуры можно было бы написать целую книгу… да она кажется и написана. Я был удивлен и восхищен.

— Кто творец этих великолепных статуй? — спросил я своего проводника.

— Рабочие наших заводов, — отвечал он просто — среди них есть много отличных музыкантов, скульпторов, живописцев, поэтов.

— Но ведь тут нужна школа. а школа требует времени, упорного труда для преодоления техники.

— Ну. и что же? — спросил Ник. И он пояснил, что все это результат разумного использования досуга, которого у социалистического рабочего больше, чем у рабочего буржуазных стран.

— Ведь мы работаем всего несколько часов, а предполагаем работать даже меньше. При правильной организации труда, производства и распределения, какие существуют у нас этого вполне достаточно, чтобы обеспечить нас всем необходимым, но

не думайте, что мы используем свой досуг только для забавы и отдыха. Если бы это было так, мы пошли бы не вперед, а назад и социализм создал бы только застой тупого довольства. Нет, наш досуг наполнен очень «энергическим» содержанием. Как старый рачительный хозяин-собственник не переставал заботиться о своем клочке земли, о своем маленьком хозяйстве, так и мы, не считаясь со временем, заботимся о нашем социалистическом хозяйстве. мы не перестаем заботиться и о тех, которые еще стонут под игом капитала. На все это уходит немало времени, пожалуй не меньше двух третей свободного времени. Затем физкультура, потом занятия любимыми искусствами и наконец развлечения.

Кстати, известно ли вам, что у нас уже создан новый наркомат — культуры и быта, который занимается вопросами наиболее разумного использования рабочего досуга и организации нового быта? Благодаря разумному использованию досуга, у нас почти каждый рабочий имеет несколько специальностей. Одни ушли в науку, другие — в искусство. У нас есть кочегары-химики и водопроводчики-журналисты, токаря-астрономы, фрезеровщики-скульпторы. Одно другому нисколько не мешает. Исключительным дарованиям — музыкантам, поэтам, писателям — предоставлено право заниматься исключительно искусством. Но даже самые даровитые из них периодически возвращаются на фабрику: смена труда, по их словам не только не отражается неблагоприятно на творчестве, но даже стимулирует его.

Тут я выразил сомнение:

— Я могу понять, что, скажем, котельщик может быть астрономом, даже живописцем. Но может ли кочегар выхолить нежные гибкие пальцы. нужные для скрипичного виртуоза? Может ли забойщик-шахтер быть пианистом?

— Ну, значит они будут не музыкальными виртуозами, а астрономами, — улыбаясь ответил Ник. — Однако с каждым годом машина все более облегчает тяжкий физический труд и таким образом предохраняет человеческий организм от излишнего огрубления. Я уже не говорю о том, что целый ряд производств требует тонких, чувствительных как у пианиста пальцев, — например производство точных инструментов, карманных часов, вольфрамовых нитей для электрических лампочек. Конечно, есть трудности, которые мы не можем еще преодолеть. Ведь вы видите перед собой не пресловутый «рай на земле», а только совершенствующееся человеческое общество. Факты однако налицо: простые рабочие создали вот эти статуи, рабочие играют в наших театрах, поют в опере, пишут картины,

изготовляют в свободное время ручным способом изящные вещицы для украшения наших жилищ и общественных зданий. От гармошки, от «баяна» рабочий поднялся до сложного электрического симфонического рояля с тремя клавиатурами, педелями и массой регистров, и он владеет этим инструментом не хуже, чем своим станком… Ну, а теперь покажу вам центр нашего города.

— Все ж таки у вас есть центр?

Да, но он имеет совсем иное значение, чем в старых городах. Там жили аристократы, здесь у нас помещаются… Впрочем вы сам сейчас увидите!

Но прежде, чем мы дошли до площади Революции, мне пришлось еще раз остановиться. Мы подошли к стене зеленеющих кустарников, которые прорезала узкая асфальтированная дорожка. Сделав несколько шагов, я вскрикнул от восторга. перед

нами был настоящий карликовый японский садик. Собственно говоря это был овраг. но что сделала культура с этим оврагом! по склонам его струились и весело прыгали маленькие водопады, по дну протекал чистый ручей, впадая в водоем с фонтаном посредине и красными рыбками в воде: через ручей там и сям были переброшены легкие изящные мостики. Беседки обвитые плющом, манили в густую тень, среди зелени и цветов виднелись небольшие статуи детей, лебедей, животных. У второго водоема, в самом углу, стояла прекрасная скульптурная группа — маленький ребенок, пухлый как амур, привел на водопой пару львят, которые наклонились на водопой как пьющие кошки. И цветы, цветы! Каскады цветов!..

— Я помню еще то время, — сказал Ник, — когда на этом месте был заброшенный дикий овраг, где росла крапива да репейник. И вот, что мы сделали. Это была затея ребят.

Мы медленно перешли «овраг», поднялись на другую сторону и сразу попали на широкие площадки, залитые солнцем. Здесь был теннис, футбол, пушбол, баскетбол, волейбол и еще много других, неизвестных мне, видов спорта. Все площадки были полны играющими — женщинами, мужчинами, молодыми и старыми.

— Здесь никогда не бывает пусто. — сказал мне Ник.

Я не мог не остановиться. Уж очень любопытны здесь были виды спорта. По словам ника, некоторые из них были позаимствованы у малых народностей, населяющих СССР. Вот, например, сооружение, которое я сравнил бы с огромным барабаном в три метра в диаметре. и метр высотою. На этом барабане стоит молодая девушка в спортивном костюме и подпрыгивает. Барабан пружинит, вероятно на нем натянута кожа или толстая резина, и девушка взлетает все выше и выше. Окружающие поощряют ее возгласами одобрения. Игра состоит в том, чтобы подпрыгнув, опуститься на ноги и не упасть, вновь подпрыгнуть и вновь опуститься. Поразительно! Эта девушка кажется невесомой. Она подпрыгивает все выше и выше — на метр, два, три, четыре, пять, шесть! — и ловко становится на ноги для нового прыжка. но вот прыжки становятся все ниже и ниже, и девушка сходит с барабана под аплодисменты. Вслед за нею не барабан влезает мужчина средних лет и под одобрительно насмешливые возгласы начинает подпрыгивать. Второй прыжок, третий прыжок, — и он летит вверх ногами, падает на спину и начинает взлетать кверху, то боком, то головой в самом беспомощном положении. Смех и крики. неудачник сползает с барабана, безнадежно махнув рукой.

А дальше перелетают — вернее перепрыгивают — через

площадь люди с привязанными небольшими воздушными шарами, которые уравновешивают вес их тела. Человек «ничего не весит» и при малейшем прыжке отделяется от земли. Помнится, такой спорт был изобретен в Америке. Но какая ловкость и точность у этих летучих людей! А вот нечто совершенно невиданное. У спортсменов на подошвах прикреплены вероятно пружины, потому что эти спортсмены прыгают так, как впору прыгать только блохе. Этот спорт требует большой ловкости и грозит большим риском, чем прыжки на барабане. Но прыгуны очевидно хорошо тренированы и ловко перепрыгивают через киоски и даже через небольшие деревья.

Гранднозный кинотеатр, который может вместить почти все население города.

Но, увы, мне опять приходится сдерживать себя, иначе я никогда не окончу внешнее описание города. Пришлось оторваться от интересного зрелища и следовать дальше. Снова тенистая аллея, и вот мы мимо двух белых зданий выходим на большую площадь.

Что вам сказать о ней? Сравнить ли ее с огромным кратером вулкана, или же с римским амфитеатром? Глядя на эту площадь, я еще раз убедился, какое огромное преимущество заключается в том, чтобы стоить город не десятками и сотнями лет, а строить сразу, по определенному плану. Только при таком условии можно было сразу сделать эту оригинальнейшую в мире площадь. Она имеет совершенно круглую форму. Со всех сторон ее окружают здания, которые построены так, что уступами спускаются к площади этаж за этажом. На каждом уступе имеются возвышающиеся друг над другом ряды скамей. на самой площади. взбегая до высоты первого этажа, расположен настоящий амфитеатр, составляющий единое целое с амфитеатром, расположившимся по уступам-этажам окружающих домов. Благодаря такому устройству получается один грандиозный амфитеатр, который может вместить почти все население города. Это настоящая греческая «агора» (площадь), на которой происходили собрания. Любопытно отметить, что не смотря на огромный размер площади, она может покрываться особыми тентами во время дождя или сильного зноя.

Посредине площади находится высокая трибуна, снабженная мегафонами, которые делают возможным слышать речь оратора одинаково отчетливо во всех уголках грандиозного амфитеатра. В домах, которые расположены вокруг площади, помещаются правительственные учреждения. Это, так сказать муниципальный центр. В северном углу площади возвышается грандиозная фигура Ленина с поднятой рукой. представляю какое величественное зрелище производит эта площадь, когда она полна народа, и в особенности вечером, когда от края до края ее пронизывают огни прожекторов! Ник говорит, что в праздники ее иллюминируют, и тогда получается еще более красивое и торжественное зрелище. Здесь собираются граждане в самые торжественные и важные минуты общественной жизни.

В тот момент, когда я посетил площадь, она была почти безлюдна, если не считать нескольких молодых планеристов, которые с увлечением запускали модели планеров с многочисленных верхних площадок.

— Воздушный спорт, — сказал Ник, — пользуется у нас совершенно исключительным успехом. Попробуйте выйти за город и посмотреть, что там делается. Наши планеристы достигли в этом спорте большого совершенства, они держатся на безмоторных аппаратах целый день. Кроме того сконструированы очень любопытные безмоторные воздушные яхты, воздушные парусники, которые при помощи плоскостей и крыльев совершают, пользуясь лишь силой ветра, довольно значительные

путешествия. Впрочем это далось не сразу. Несколько наших воздушных спортсменов на таких воздушных яхтах, не позаботившись набрать достаточную высоту, по милости переставшего дуть ветра сели среди нив, порядочно измяв пшеницу, и у нас происходили по этому поводу даже «дипломатические осложнения» с соседним сельскохозяйственным городом. Пришлось вознаградить их за убытки, а опытные полеты перенести в строго определенные места.

— Ну, теперь куда вы поведете меня? — спросил я, налюбовавшись площадью Революции.

— Недалеко отсюда находится музей ручного труда. Хотите, осмотрим его, — предложил Ник.

Музей ручного труда! Что бы это могло быть? Вероятно, что-нибудь историческое. Признаться, я не очень люблю такие музеи. Но здесь, в этом городе, все было особенное, и потому я не протестовал. Наверное и в области изучения истории будет что-нибудь оригинальное.

Мы направились в музей ручного труда.

Догадайся, куда я попал? На выставку чудеснейших, изящнейших произведений искусства! Впрочем не только искусства. Отчасти это напоминает огромный универсальный магазин со множеством отделений. Картины, скульптуры, рамы, книги в изумительно красивых переплетах, вазы, статуи, резная мебель, шляпы, перчатки, обувь, ткани. Ткани особенно заинтересовали меня прекрасной ручной выделкой и художественной раскраской. Все это — произведение ручного труда, артистов своего дела, «любителей». Сколько здесь тонкого вкуса, сколько любовного терпения! Вот на что расходуют здесь остаток досуга. Почти каждый член коммуны занимается на досуге каким-нибудь ремеслом, прикладным или чистым искусством. Для этого в доме-коммуне устроены различные мастерские, лаборатории, студии, ателье. Это поистине свободный, творческий, не подневольный труд. Один делает изящные переплеты, другой — рамки, третий или третья занимается художественными вышивками или ручным ткачеством, четвертый пишет картины, и притом совсем не по-дилетантски — сочно, уверенно.

Почти все эти предметы имеют практическую ценность и вместе с тем являются подлинными произведениями искусства. Их делают потому, что процесс творчества доставляет удовольствие. Их делают так, как птица поет свои песни. Потом эти прекрасные изделия их авторы дарят близким, друзьям или же выставляют в музей ручного труда. Каждый желающий может

приобрести себе несколько таких вещей. Коммуна строго наблюдает за тем, чтобы жилые комнаты не превращались в склад мебели и не напоминали лавку антиквара. Ничего лишнего, ничего ненужного! Но коммуна не воспрещает иметь у себя в комнате несколько хороших вещей, которые украшали бы комнату: несколько картин на стене, статуэтку на письменный стол, вазу для цветов. Члены коммуны нередко меняют эти произведения искусства, а очень понравившиеся — перевозят с собой, меняя комнату или город.

В музее ручного труда было довольно много посетителей. Женщины тянулись больше к тканям, шляпам, костюмам, — пережиток старой психологии! Впрочем, должен уравновесить это впечатление указанием на то, что немалое количество женщин толпилось и возле таких отделов, как переплетный, рамочный и даже оптических и физических приборов. Не удивляйтесь: здесь есть отличные шлифовальщики линз фотографических, астрономических и микроскопических. Ведь шлифовка — не столько техника, сколько искусство.

В музее ручного труда мы пробыли довольно долго, и мне захотелось завтракать. Нет ничего проще: буфет был тут же, к вашим услугам. Вы можете выбрать сами любое кушанье, не только холодную закуску, но и жаркое, шипящее на электрической плите.

— А все-таки вы можете устать. Не взять ли нам велосипед?

— Да, пожалуй, это не лишнее! — Ник отправился в депо проката и получил оттуда пару велосипедов.

— Давайте сделаем общий обзор города, — предложил он. — На велосипеде это отнимет немного времени.

Я согласился, и, оседлав наших стальных коней, мы тронулись в путь. По пути я обратил внимание, что дома в большинстве построены по типу «блочных». Главный большой дом соединен теплым коридором с домом поменьше, а в стороне стоит одноэтажный дом со множеством стеклянных веранд. Ник пояснил мне, что главный дом-коммуна соединен коридором с яслями, где находятся дети. Через коридор родители могут ходить на свидание с детьми… Я чувствую, что подхожу к вопросам, которые вызовут горячее возражение твоей Марты, но мы еще поговорим об этом! Сейчас я пишу только о первых впечатлениях. Итак, в одном доме живут взрослые, в другом помещаются ясли, а в третьем, стоящем особняком, находится детский сад. Дети! Им отводится здесь столько внимания, сколько не уделяется нигде и никогда. Яслями и детским садом не ограничиваются детские учреждения. Мы проехали мимо настоящего детского городка. Я только мельком мог взглянуть на

него. Я видел большое двухэтажное здание с огромными окнами, окрашенное в нежный кремовый цвет, хорошо оттенявший окружающую зелень. Я видел веселых детишек, наполнявших своими голосами цветники, огороды, сады, площадки для игр. Я видел надворные постройки, назначение которых объяснил мне Ник.

— Это большое здание — школа. Школьники здесь не только учатся, но и живут в этом здании. А надворные постройки — это опытные хлевы, свинарники, помещения для кроликов, для домашней птицы. Ведь наши школьники прежде всего практики!

Я решил во что бы то ни стало посетить школу — эту фабрику, на которой вырабатывают новых социалистических людей. Но решив сначала осмотреть город «в целом», я принужден был поехать дальше.

— Таких школ у нас несколько. Они равномерно разбросаны по всей территории города. Вот там, видите в саду два белых приземистых здания? Это изолятор для подозрительных по заболеванию детей. Рядом — больница.

Миновав густой парк с двумя большими прудами, мы выехали на берег реки. Солнечный свет после полутени парка ослепил меня, и когда я открыл глаза, то увидел широкую реку, пестревшую лодками всех размеров и типов. Здесь были и длинные узкие — на десяток гребцов, и маленькие — на одного человека, с перекидным двухлопастным веслом, и моторные, и парусные, и двойные пироги, и водяные лыжи, и водяные велосипеды, плотики, плавающие шары, вертящиеся круги… Все это двигалось, весело перекликалось, брызгало водой… Здесь было изобилие воздуха, солнца и воды. Здесь было весело и шумно. Полуголые люди гребли вперегонки, выбрасывались из лодок в воду, ныряли, гоняли по воде большой резиновый шар, состязались в быстроте плавания, А ниже — на песчаном пляже загорали на солнце… Из этого города не нужно выезжать на дачу: это настоящий «дачный город», город-курорт! Нет больше отрыва городского жителя от природы, от солнца, от свежего воздуха. Сделавшись хозяином жизни, рабочий СССР прежде всего позаботился о том, чтобы уничтожить капиталистические города — эти гнезда болезней и заразы, истощения и вырождения.

И не знаю, угадал ли Ник мою мысль, или это была случайность, но он сказал раздумчиво:

— Здесь люди набираются здоровья и сил. И все же болезни не побеждены до конца. Но они будут побеждены! Непобежденной останется лишь смерть. Но она необходима в круговороте жизни. Наша медицина перестроилась, перенеся центр тяжести на профилактику. Лучше и экономичнее предупреждать болезни,

чем лечить их — вот наш лозунг. У нас происходит еженедельный обязательный осмотр всего населения. И осмотр не поверхностный. Кроме того, гигиенические знания и даже серьезные медицинские познания стали достоянием, если не всех то многих. Диспансеры имеются при каждом доме-коммуне. Амбулатории на каждой улице. а больницы… Посмотрим на них!

Мы опять уселись на велосипеды и помчались по дорожке, которая заворачивала влево. Это была граница города. за нашей дорожкой имелась еще аллея для пешеходов, а дальше, уходя к горизонту, зеленели поля, на которых колыхались волны спеющей пшеницы в рост человека.

Пожалуй окраины этого города были изумительнее всего. Я вспомнил зловонные, грязные, душные, тесные окраины наших городов с ветхими лачугами и разваливающимися домами, где ютилась рабочая беднота. Что может быть печальнее окраины большого промышленного капиталистического города! и какой контраст с центром, где живут хозяева. А вот здесь на окраине социалистического города я вижу те же парки, ту же зелень, те же фонари, расставленные на одинаковом расстоянии, не реже, чем в центре. Те же дома, разбросанные в зелени садов и парков.

Мы объехали почти половину окружности города, когда увидали несколько белых зданий, стоявших немного в стороне и отделенных от города большим парком. С трех сторон этих белых двухэтажных зданий также были парки, а одна сторона, с открытыми верандами на юг, выходила на площадь, засаженную низким английским садом, чтобы дать возможно больший доступ солнечным лучам.

— Больницы! — сказал Ник, нажимая на педали.

Некоторое время мы ехали хорошо шоссированной дорогой по полю среди колосьев. Впереди зеленым островом высился массив плотно скученных пирамидальных тополей. между ними виднелось красивое белое здание.

«Остров смерти», — почему-то мелькнуло в голове воспоминание о картине Беклина. Я не ошибся.

— Крематорий, — сказал Ник.

Я хотел было предаться грустным размышлениям о бренности всего земного (увы! немецкая чувствительность еще живет во мне), но Ник не дал мне сделать это. Ник еще юноша, но этот юноша очень много подмечает для своих лет. Что это: результат коммунистического воспитания, жизни коллективом? Право, он представляет для меня загадку.

Итак, Ник посмотрел на меня, усмехнулся и весело воскликнул:

— Я совсем не хочу, чтобы вы закончили осмотр города этим

местом, где отработавшаяся человеческая машина возвращает материал, взятый у природы взаймы. Поедем к истокам жизни, туда, где круговорот веществ начинается сначала!

— Куда это? — спросил я, не совсем поняв.

— Ну, в родильный дом, конечно! Я покажу вам маленьких, красненьких, только что рожденных коммунаров. Вы увидите их через стеклянную стену, отделяющую новорожденных от посетителей. Вы увидите «Остров жизни» и перестанете думать об «Острове смерти». Живой должен думать только о живом, в особенности, если жизнь так прекрасна и интересна!

И мы повернули свои велосипеды и покатили в противоположный конец города. Туда, где рождается жизнь…

Друг мой, я написал тебе целое послание, но не исчерпал и сотой доли того, что увидел и узнал всего за несколько часов пребывания в социалистическом городе. В следующий раз я напишу тебе о том, как я перебрался из гостиницы в дом-коммуну, чтобы узнать возможно полнее, как живут новые люди нового мира. Я расскажу, что видел и узнал там нового.

До свидания. Привет твоей милой Марте.

Фит.»